

18+

Павел Лопатин

..кричащее – шепчущее..

Павел Лопатин

Кричащее — шепчущее

«Издательские решения»

Лопатин П.

Кричащее — шепчущее / П. Лопатин — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Это не сборник стихов в привычном смысле, а скорее медитативная проза с рифмой и ритмом. Искренность, заложенная в строках, истинна лишь на момент их написания, и в этом, мыслится, суть человеческого существования. Путь непрерывен, и остановки — не более чем обман. Прошу не искать скрытых смыслов и не наделять ни мгновение значением иным, чем заложено. Всё, что есть на этих страницах, — ничего кроме.

© Лопатин П.

© Издательские решения

Содержание

Гепталогия пустоты (..меланхолическое осмысление Шуньяты..)	6
I (..вопрос не задан..)	6
II (..витражи серого цвета..)	7
III (..крест сох без слёз..)	8
IV (..из мрака труден путь..)	9
V (..медитация..)	10
VI (..за пределами ничего..)	11
VII (..прекрасное пространство..)	12
Считалочка	13
Витиеватые мысли?.. Нет, показалось	15
maris mortis. perpetum silentium	18
Хронофагия для андрогинов, наполняющих жизнь несомненным смыслом сомнений	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Кричащее — шепчущее

Павел Лопатин

© Павел Лопатин, 2026

ISBN 978-5-0071-4422-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Гепталогия пустоты (..меланхолическое осмысление Шуньяты..)

I (..вопрос не задан..)

Ответов нет, вопрос не задан.
В ночи ни золото, ни ладан
Помочь не в силах
Избежать той пустоты в могилах,
Которую бояться все.
Сила, присущая весне,
Чтоб всё рождалось вновь,
И гасло.
Как только мировое масло
Лампады окропит края,
Плодя сомненья и печаль роя,
Вся слабость разума себя покажет.
Новую притчу плотник мне расскажет,
О том, что было сотни лет назад,
Когда иные строились законы,
И ход планет менял каноны.
(наивный мальчик любит запах мяты),
И в страсти ночи, крест ему нести —
Меланхолическое осмысление Шуньяты —
Это лишь точка на его пути.

В один из дней, собрав вокруг животных,
И превратив все притчи в тишину,
Он слышал треск, в котором воздух
Отправил песни на луну.
(я вижу символы и знаки)
Я слеп, не вижу ничего,
И мир так скучно одинаков,
Лишь три шестёрки псевдомагов,
И жидкость, полная краплака,
Поможет время пережить.
Как быть, когда узоры тела,
Манят сильнее, чем миф Амπεла?
И день меняет день, борьба сильнее..
От вздоха каждого я будто бы глупею,
То — есть забвенья дар.
Жизнь не комедия — нуар.
Страх есть не тождество объятий пустоты,
А лишь отсутствие любви и теплоты.

II (..витражи серого цвета..)

Осколки есть не части целого,
Они — сам мир.
Оттенками света белого,
Преломляя его через спектр,
Цвет витражей на полу, где аир
Застилает камень
И запах по храму разносится.
Пламень свечи не дрогнет,
Ведь больше не цело то,
Что внутри должно гореть.
Стареть и жалеть
Остаётся о том, что не сделано.
Окна храма не разбиты,
Но внутри свет проникающий
Не играет цветными узорами,
Где лики ангелов и благодать дэвов
Между мантрами, среди напевов,
Лишь роза упала.
Лакшми, чей лик воспевал Зороастра,
Забрав моё сердце, лишь имя сменила,
Став среди жён самой главной.
От мысли острой к более плавной
Перехожу сумбурно, избрав путь анахорета
Радость моя как витражи серого цвета.

III (..крест сох без слёз..)

Мрак гром скрыл в ночь.
Шум штор стих. Йог яд дал мне.
На дне мох пел, я страсть рвал.
Хруст в фальшь сон гнул,
Я лишь ниц пал.
Мстил мне мой страх,
Я пил. Деньдох, час молк.
Полз жук на холм, год полз.
Гладь в рябь как холст.
Сжѐг клѐн. Крест сох без слѐз..
Хлеб, кровь — всё сон. Жив он!
Скрѐб кот душ скорбь.
Мух рой средь фуг
Ждал крыс, чтоб труп съесть.
Хор жриц строк притч пел,
Как слаб звѐзд свет, как нем.
Средь рифм, тел нимф, что лун свет
Лишь след..
Звук струн стих..
Бдит маг, чей бог Ра!
Бдит жнец.. Но та,
Чьих уст я знал,
Лишь тлен.
В плен ум,
Что «ом» не знал —
Пал. Крах чтя,
Рой ос съел сов.
Лоз яд мне мил,
Я пил. Жѐн нет..
Ты стерв не знал,
Их жар — лязг жвал!
Меж сутр и мантр
Сфер гул сжѐг дхарм
Всех суть.
Нил рек всех ток
Сжал меж жил.
Юг сух.
Там дул меж пальм,
Что ртуть во храм.
Мудр Тот — он смолк.
Но в толк взять я не мог,
Что ласк не скрыть меж скверн.
Чист тембр флейт.
У врат кто мѐртв тех сон как смех,
Всѐ — ад.
Свет тускл ламп, я рад.

IV (..из мрака труден путь..)

Во мраке разума я начал путь.
И ошибаясь, в темноте наткнулся
На свет.
Из храма вдруг исчезла ртуть,
Я испугался. Страх схватил за горло..
Ракшасы окружили. Невидима мандорла!
Я ждал спасения извне,
Которое не наступало долго,
Вдруг вид увечного мардонга
Как в зеркале ко мне пришёл!
И понял я, всё — сон. Жив он!
Дух планетарный, я молю, спаси!
..Свет озарил, и я пошёл на свет
И, спотыкаясь, падал.
И Диониса дар так сладок,
Лишь в нём забвения ищу.
Ригведы тайны возвещу,
Когда Гаруда нагов победит!
Из мрака труден путь
И сердце слабо..
Месяц луны упавший набок,
Мужчину может вмиг спугнуть
Своею красотой.
Мой путь лежит по линиям Шри Янтры,
Где совесть промолчит — поможет мантра..
Слабей меня нет человека,
Который рушит счастье век от века,
Ведь все те символы, запрет которых
Несёт только безумие и споры,
О праведных и остальных.
Вопрос открыт: повешенный в одеждах золотых
Лишь потому повешен, что был не прав?
Как мальчик, что рождён меж трав,
Может быть так несчастен?
Его порок — забвение и страсти..

V (..медитация..)

Истаяло последнее желание ума.
На мегалитах символы друидов
Раскрыли смысл древнего письма,
И универсум показали алфавитов.
Я — в каждом вздохе уголков Вселенной,
И вижу время не линейно, но
Одна твоя душа — Свет неприкосновенный!
Им обнимаю. Простить не суждено.
Я не существовал на самом деле,
И был лишь точкой на твоём пути.
От погребения до колыбели,
Прошу тебя обеты соблюсти.
Мой разум пуст, движения свободны.
Я чувствую тепло души холодной,
Которая похожа на мою.
Молчу. Отныне тишина повсюду.
Глаза подобны изумруду,
Я больше никогда не буду,
И больше не был никогда.
Истаяло последнее желание ума..

VI (..за пределами ничего..)

за пределами ничего
где всё сплавлено воедино
слабый запах жасмина
из самых дальних уголков
память тревожит отсутствие
света рождается новый пророк
внутри собирая крупички
и превращая их в скалы из пепла
денница путь открывает тому
кто в поиске света находит тьму
а в радости звука лишь тишину
жук скарабей пересекает пустыню
один лама сказал в приступе духоты
если нечем дышать прикуривай от пустоты
если ум твой ничто потревожить не сможет
цикада трещащая ночь на пролёт
только каплю дождя ждёт

VII (..прекрасное пространство..)

Всё мирозданье превзошло себя!
Планеты ход сменили, ход стрелок тих.
Притих певец мгновений — Лин.
Сюжеты мифов и былин
Сплелись в единое творенье.
Всё — от нирваны до крещенья —
Есть сплавленный в единое момент!
И декадент внутри меня притих,
Я перестал смотреть на наг нагих
Средь черепов и каменных костей,
Я как художник без кистей.
Ручья журчание в пустыне не слышно,
Лишь жук бежит — жука любить грешно.
У древа ствол иссох, а яблоня в цвету,
И кисть сирени для тебя от сердца
Сорвана, как плод Эдема.
Поэма, начатая мной на берегах,
Всего лишь сказка обо всём на свете!
Я не жалею о своём обете, что в детстве дал..
Санда, заполнив всё вокруг, страдал
Лишь от того, что вечность как мгновенье!
Мгновенью этому всего тысячелетье,
Когда мужчина после поцелуя, плетью
Себя терзает, а в душе — пожар!
Кошмар ночей и дней кошмар,
Меня не отпускает ни на миг..
Так хочется сбежать на материк,
Который далеко отсюда!
Нет, всё спокойно.. разум цел..
Так говорит всегда умалишённый,
Любовью и заботой окружённый!
Слезинки на траве.. Прекрасно!
Я плачу; все сомнения напрасны..
Всё есть одно — и свет и темнота!
А «Ом» в душе, как символ постоянства
Там, где Шуньята — есть не просто пустота,
А бесконечное прекрасное пространство!

(10.2025 — 05.2026)

Также существует переосмысление в виде цикла для органа. Обе эти формы — музыка и поэзия — могут исполняться одновременно, последовательно или не исполняться вовсе. Любой вариант не преуменьшит, не преувеличит и вообще никак не повлияет ни на что

Считалочка

Nous, логос, разум, бог.
Кто поверил, тот иссох.
С кем веду я диалог,
Если путь мой на восток?
Если путь на север мой,
Жизни больше нет земной.
Вдруг настанет день седьмой,
Кто спасёт наш род людской?
Если ляжет путь на запад,
То придётся горько плакать.
Тайну зная зодиака,
Изберу путь лотофага.
Если я пойду на юг,
Век познаю Кали-Юг.
Меж зверей и аферюг,
Стану жителем лачуг.
Раз, два, три, четыре, пять,
Шивы тайны открывать
Нам пора, и вместе с ними,
Предаваться пантомиме.
Нет считалочки конца
Для могучего жнеца.
Мать дитя качала,
Начинай сначала.

Правда, тишь, печаль и страх,
Солнце вижу на холстах.
В древних и морских ветрах,
Прячет мысль свою Плутарх.
Я смотрю в глаза прохожим,
Друг на друга так похожих.
В судьбах их совсем несхожих,
Горечь вижу и тревожусь.
В лужах есть осколки неба,
Там живут желанья Гебы.
Кажется, они нелепы,
Но всем всё равно. Все слепы..
Я иду вдоль узких улиц,
Сатанисты режут куриц.
Вот работники из кузниц,
На колени ставят узниц.
Мир красив! А мы все слепы..
Видим только мрак и склепы.
Рядом пчёлка пролетела,
Время вместе с ней истлело.
Нет считалочки конца

Для уставшего гребца.
Харон у причала,
Начинай сначала.

Хаос, ложь, абсурд и тьма,
Кто любима мной — бледна.
Я в объятиях व्यюна,
Жду пока взойдёт луна.
Среди серых голубей,
Один белый — он глупей.
Среди нимф и мёртвых фей,
Пробегают скарабей.
Всё, что здесь — полно абсурда.
Утром все читают сутры
И несут крест целомудрий,
На лице следы инсульта.
Время выпустило слёзы,
Страх Диониса лишь лозы.
Счастье наше из неврозов,
Тени нет у скорбной позы.
В храме возле витража
Колыбелька малыша.
Замираешь чуть дыша,
Слыша, как поёт душа.
Нет считалочки конца
Для безмолвного юнца.
Жизнь уже умчала,
Начинай сначала.

Витиеватые мысли?.. Нет, показалось

Вонзившись в аккуратный сонм волос —
Похожих на мои — я стал так странно мягок.
Сверчки ещё не пели, ветер выл,
Наш сон наедине был крайне краток.
Когтём вцепившись в радость и покой
Дней скучных гарпии завывли. Тоской
И болью полон разум мой.
Так, тяжело дыша, несмело ощущая
Как мудрый вол диск Солнца медленно вращая
Сместил с оси все города и страны,
Я изнутри стал гнить. Всё было странно..
Свет не был светел, тьма избегала тень,
А ночь и день будто едины стали.
Меня не в честь апостола назвали,
А лишь по моему значению в этом мире —
Я сам как шут в шекспировской сатире,
Не умный, не дурак. Зодиак
Мой тоже вызовет сомненья,
Ведь оседлать Юпитер и Сатурн
Не мог ни шут, ни бог, ни сатана, ни урн
Разбитых прах от древних крыл, что
Сотканы из воска.
Из растворённого в безвкусице наброска
Художника, который не любил цвета,
Родился облик мой.
(берёзка плачет)
Время мчится.
Мальчик прячет чувства за стеной,
Ей суждено беречь его годами,
Пока словами, а может и любовью,
Которые в душе смешает с болью,
Себя не искалечит.. Сам себя..
Не зря узнав судьбу случайно в детстве,
Есть опасенье от обычных дел,
Вещей, явлений.
Жизнь как борьба сопротивлений за каждый вздох! —
dum spiro spero.. Но только вот на что? —
Манера, избранная лишь мешает жить.
Пытаясь акведук души не иссушить,
Прилежно наполняю я исток вином и солью
Сожалений и тоски.
Всепроникающая пустота и боль сжирает,
Я просто хочу быть счастливым.
(а сонм волос так манит)

Нет волн, песка нет тоже, лишь отливы —

Любимые уходят молчаливо..
Ты спросила почему от меня пахнет мятой,
Я засмеялся. Смотрю, простыня не измята,
Ты совсем не спишь..
В ночи лишьмышь — и друг, и собеседник..
Не забывай — внутри тебя чудесный заповедник
Редкой красоты природы.
Тёмно-синее небо глубинно, на нём
Желтизна подсолнухов, как комплимент Ван Гогу,
Одному богу известно что происходит.
Хрупко-разрушенные души устали слушать
Других и себя. Моя полиамория —
Самый нежный из пороков,
Она — не полигамия. Скоро осень,
Но за годы не сменилась ни одна мысль
Из опуса 28!
Мечусь меж разных скульптур,
Слышу звон собственных мыслей.
Бесконечных пространств рябь. Нависли
Надо мной грозы сонмами.
Сонными шагами я иду в никуда
(нет! не выключай свет!
так я не смогу видеть в тёмном окне
твой тёмный силуэт)
Поэт, чьи строки эхом откликаются —
Кается в свой неправоте.
Глухоте каждый подвержен и
Слепоте. Я один из многих..
Хромоногих сатиров век цветёт,
Идёт ли к концу время?
Морфема неподвластна как единица,
И вереница событий происходящих,
Меня разлагает.
Постоянно пишутся ПФиП (ы),
(*надо дойти до конца, чтобы понять*) —
Они сами повсюду!
Скрипы будто становятся громче,
Но смягчаются влажностью и
Важностью придуманных дел.
Несуществующий прибой шумел
От безысходности. В своей учтивой
И несмелой старомодности, я будто
Сквозь пальцы пропускаю возможности,
Которые могли бы сделать счастливей
Кого-нибудь. Спугнуть так легко..
Простите меня все зодиак..
Так много воды утекло, а с нею
И слёзы и пламя, и терпкости дня.
Средиземное, Чёрное, Каспий, Неву —

Вспоминаю с любовью, спасибо..
Впереди ещё так много!
Уже не камень на душе у меня,
А глыба, которую не могу ни поднять,
Ни оставить. Представить сложно
Как ты устала.. Мне жаль.
Степень совершенства обратно
Пропорциональна степени порока
Смотрящего или творящего.
Парящего над миром наблюдателя
Никто не замечает, но искренне верит,
Что он справедлив и не злонамерен.
Закономерен путь того, кто идёт
В лабиринте, без выхода и стен.
Не забуду единственное лето,
Где спина к спине ты читала Хемингуэя,
А я — Золя. Оно не вернётся — истаяло.
(а может, это лишь несуществующее?)
Состояние абсолютного нуля кажется константой.
С манией сектанта думаю о тебе..
Никакого зла, лишь любовь —
Как любовь всеобъемлющая, безусловная.
Ровная гладь воды волнуется,
И я вместе с нею.
Леденею, в мыслях с тобой..
Волной накрывает, но ничего,
Держусь.. Ощущение, что бодрюсь
Мыслю, что всё станет иначе, легче и
Искренней.
Но искренность ли важна, или истина?
Знаю, жизнь моя полна неловкости,
От этого, перевожу обиды в колкости,
Ну, ничего, от этой ломкости, мосты не рушатся —
Сгорают.
Всё человеческое отмирает каждый день,
Ведь тень, которую я не отбрасываю —
Потому что солнечный свет избегает
Меня — стирает границы.
Столицы меняют провинции,
А я статичен, словно наблюдатель,
Фудзи не покоровивший,
А лишь о ней мыслящий.
Никогда не видящий вершину,
Я верю, что она есть..

maris mortis. perpetum silentium

Шум радиоволны.. волны шумят, ударяясь о берег. Я так скучаю по тебе, хочу обнять..
Мне не понять, что ты говоришь,

когда шумят волны. Полны слёз твои глаза. Я слышу удары песчинок друг о друга — их звучание упруго. Ветер колышет листья деревьев и кустов неподалёку. *Andante molto cantabile* беседуют птицы над волнами. Камни шепчут, возводя стену между нами. Кажется где-то наступило цунами.. Я вжимаю ухо в эту стену — до крови, до хруста, до звона в висках. Она гудит как трансформатор —

бесконечной тишиной. как пустая раковина, в которую вселился шум всех морей, которые ещё не родились. Молись за всех.

Кто в шторме жутком молись. Я слышу, как внутри гранита плачут тектонические плиты, как магма пережёвывает кварц, как кристаллы трутся друг о друга с интимностью, недоступной людям, но доступной морям.

Ветер колышет листья — я слышу, как они перешёптываются, как заговорщики, как любовники в последнюю ночь. Именно любовники, у которых нет чувств, кроме влюблённости.

В голове дагеротипы фотохроники, я убеждён — выживут только любовники. Каждый лист — это ухо, обращённое к земле, и оно слушает, как корни переговариваются с червями о том, кто быстрее разложит этот мир до состояния звука.

Деструкция материи, материи редукция.

Ты стоишь по ту сторону стены и что-то говоришь, но звук — это слишком медленная скорость, чтобы догнать вслушивание. Я слышу твои слова не как слова, а как цвет — тёплый, охряной, с примесью ультрамарина и аспида, как запах — влажный, соляной, ускользающий; как привкус — горьковатый, ржавый, истлевающий; как осязание — шершавое, колкое, унывающее; как движение — замедленное, почти застывшее, увядающее; как температура — комнатная, но с тенденцией к понижению. Это синестезия слуха, когда звук перестаёт быть звуком и становится всем, чем угодно, кроме самого себя...и я вслушиваюсь в эту стену. В её поры, в её немые соты, где каждая пора — как ухо, обращённое внутрь себя, как слух, который слышит только эхо собственного падения в себя же и в ничто. Камни не молчат — они говорят

на наречии разломов, на диалекте выветривания и эрозии, где каждое слово — это трещина, каждая пауза — это обвал, каждая нота — это осыпь. Россыпь звука съедает морская пена, из которой поднимается обнажённая Афродита.

Я прижимаюсь ухом к граниту — и слышу, как внутри него вращаются континенты, как мантия перешёптывается с ядром, как базальт вспоминает свою лавовую юность, как кварц мечтает стать стеклом, но не решается. Смещается ось планеты,

ударяясь о твердь, кометы,

становятся камешками на берегу морей, рек, озёр, луж.

А я всё слушаю стену. Она растёт, не переставая, как сталактит в пещере вечности, как соль на коже после сна, как в комнате тишина, где только что кричали. Скрижали с заповедями, давно превратились в песок. Срок их истёк. И в этом всём — вся меланхолия мира: через неё я слышу тебя отчётливее, чем через воздух, отчётливее, чем через пространство, отчётливее, чем через тишину, которая всегда была нашим единственным общим языком молчания. А я стою и слушаю. Слушаю, как шум радиоволны превращается в голос, который говорит на языке, не переводимом ни на один другой, потому что он — это просто вибрация камня, колебание песка, дрожание листа, биение крыла, пульс света, ритм тьмы, и всё это вместе — одна бесконечная нота, которая длится дольше, чем мы, дольше, чем камни, дольше, чем волны, дольше, чем всё. И когда я закрываю глаза, я продолжаю слышать стену. Она поёт — басом, как контрабас в оркестре без других инструментов, который настраивается перед концертом,

который никогда не начнётся. Ведь когда мы перестанем слушать, начнём слышать. Но мы не умеем. Мы умеем только слушать, вслушиваться, вслушиваться до головокружения, до тошноты, до потери себя, до того момента, когда звук становится единственной реальностью, а реальность — единственным звуком, который нам никогда не услышать. Я опять вслушиваюсь в шум радиоволны, волны шумят, ударяясь о берег, я так скучаю по тебе, хочу обнять, но между нами — песок камни ветер птицы волны стена мир.. И вся эта вселенная, которая звучит как одна единственная нота. Нота, которую я не могу ни записать, ни воспроизвести, ни повторить, ни забыть, потому что она — это ты это я это шум это тишина это свет это тьма это вся наша жизнь (и её отсутствие) звучащая в одной песчинке, ударяющейся о другую, с той самой упругостью, с которой всё начинается, Хрупкостью той самой, с которой всё заканчивается, не заканчиваясь никогда, потому что тогда, слух бесконечен, а мы — всего лишь его временное эхо растворяющееся

Хронофагия для андрогинов, наполняющих жизнь несомненным смыслом сомнений

Где ты, о безумие?
В котором сплетаются души андрогинов,
по земле ходящих.
Спящих не потревожит Солнце,
упавшее в нигде и в ничего.
Идзанами сотворила всё в тот же миг,
когда уничтожила всё.
В бесконечных садах, где суйкинкуцу,
подобно Вселенскому оркестру,
сопровождает каждый наш шаг,
Бог-хронофаг заставляет проживать наше время так,
что мы уверены в смысле этой жизни.
В цинизме обвиняют за подобные мысли,
вот только отсутствие подобных мыслей — тоже цинизм.
Волны молчания, волны отчаяния
несут корабль на риф эфирного моря,
где души должны вернуться через бесконечные жизни.
Идзанами, уставшая от творчества,
вяжет из пустоты свитер для времени,
а то его съедает — ибо время, как известно,
переваривает всё,
даже собственных создателей.

Свитер был синим.
Синим, как горло Орфея, который забыл слова,
но помнит частоту, на которой молчит Вселенная.
Наступая на грабли
собственного отражения Андрогин
падает в колодец,
где вместо воды — квантовая пена,
а вместо дна — будущее, которое уже случилось,
но это было вчера,
а сегодня оно ещё не оформлено в протокол.
«Прекрасный полёт», — бормочет он,
видя как очередной венец творенья,
пьющий чай из черепа своего предыдущего рождения,
ждёт перевоплощения.
Суйкинкуцу звучит всё громче.
Оркестр настраивается на молчание,
ведь волна, которая ещё не знает,
что ей пора стать частицей
и удариться о риф эфирного моря,

где вместо пены — лепки душ,
вместо скал — мантры,
а вместо капитана — кот.
Кот, который умер и не умер,
и теперь командует кораблём,
сидя в коробке из-под кофе.

Хронофаг чавкает.
Ему нравится наш год — хрустящий,
с привкусом сарказма.
(стрелок ход — мясорубка для всего..
пепел нелеп, пелены лепнина пала.
опал полон полых лон любви ил — земля могил)
Он выплёвывает косточки событий,
и из них вырастают новые планеты,
на которых люди всё так же уверены,
что смысл жизни — это не быть пойманным
на крючок собственного вопроса,
когда ответ уже давно сидит на берегу и смотрит,
как мы тонем в саду тишины,
где тысячи суйкинкуцу,
играют наше отчаяние,
как вальс

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.